

Каразин Николай Николаевич

**С севера на юг. Роман в 2 томах.
Сочинение**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Николаевич К.**
С севера на юг. Роман в 2 томах. Сочинение / Каразин Николай Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 358 с.

ISBN 978-5-519-88165-4

ISBN 978-5-519-88165-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

1.

О б о з ъ.

Большой обозъ, воевъ, пожалуй, до ста, потихоньку тянулся ровною степною дорогою.

При этомъ обозѣ шло очень много всякаго народа, не то что при торговыхъ обозахъ, гдѣ часто бываетъ всего только по одному возчику на три телѣги. Здѣсь же шли и ѣхали цѣлыя семьи, даже съ своими дряхлыми стариками и грудными ребятами.

Гнали и скотинку стороною, только немного. кромѣ той, что въ возахъ были запряжена, — десятка два, не больше.

Шелъ этотъ обозъ издалека, и идти еще ему было порядочно. И волю, и кони, и люди, — все это, видимо, давно уже освоилось съ дорогою, втянулось и шло себѣ спокойно, неторопливо, не горячась какъ обыкновенно сначала, — попривыкло, значить. Да и было время привыкнуть.

Четвертый мѣсяцъ шелъ этотъ обозъ. Вышелъ съ мѣста на саняхъ, простоялъ подѣ «Орскомъ» весеннюю распутицу, переснарядился съ полозьевъ на колеса, подкормилъ скотину на привольныхъ весеннихъ кормахъ — и пошелъ себѣ дальше, выгадывая, какъ бы до снѣгу и зимнихъ бурановъ дотянуться до мѣста.

А какое такое это мѣсто? — про это и не зналъ никто путемъ во всемъ обозѣ, начиная съ сѣдого,

сто-семи-лѣтняго старика, дѣдушки Дениса, до самаго малаго ребенка—безымянки, появившагося на свѣтъ Божій только на прошедшемъ ночлегѣ.

Шелъ этотъ обозъ изъ лѣсныхъ сторонъ лѣваго берега Волги. Съ самаго мѣста немного воевъ выступило: деревня «Малые Кандалы» на двадцатитрехъ возахъ, да выселокъ «Дегтярный» на семи,— а уже послѣ, изъ разныхъ другихъ мѣстъ, дорогою приставать начали; больше же всего прибавилось въ Орскѣ; въ прошедшемъ году еще которые выступили, да не дошли однимъ годомъ и зимовали въ этомъ городѣ,—эти-то самые и поспѣшили снарядиться въ путь и пристать къ общему обозу. «Все веселѣе, когда народу больше».

Стоило только взглянуть на эти воезы, чтобы убѣдиться въ томъ, что путешественники не думали уже возвращаться на старое мѣсто и позабрали съ собою все, что только поднять было подъ силу. Развѣ только однѣ голыя стѣны остались на покинутомъ пепелищѣ.

Воезы все были длинныя, аршинъ по пяти въ разгонѣ и больше, на манеръ такихъ, какъ въ Малороссіи. Оси у воевъ толстыя, съ желѣзными подѣсками, колеса дубовыя на березовыхъ ступицахъ, ободья широкія, ладони въ три,—по песку когда идутъ, совѣмъ почти не рѣжутъ, а такъ поверху надавливаютъ, точно лыжи по рыхлому снѣгу. Волы подъ ярмомъ сытые, крупныя, гдѣ по парѣ, а гдѣ и по двѣ пары впряжены; надъ ярмами высокіе коньки вдѣланы, гдѣ чистые строганные, а гдѣ и красною краскою окрашенные; налыгачи сыромятныя, крѣпкіе,—однимъ словомъ, вся сбруя, хотя и не хитрая, да дюже, по-хозяйски слаженная.

А на воезахъ-то... чего только не было на этихъ воезахъ!.. Все какъ-есть полное хозяйство.

Каждый возъ дѣлился на двѣ половины: на переднюю—чистую и заднюю—скарбъ. На задней, на самомъ днѣ, стояли большіе сундуки и укладки съ разнымъ добромъ; поверхъ наложены были бочки, ведра, корыта, плужки разнообразныя, бороны... Сзади—пара колесъ запасныхъ и большая баклага для воды, ведръ въ двѣнадцать, котлы и чугуны, и желѣзныя треноги... Съ боковъ, вдоль лѣстницъ, подвязано все длинное—брусья разные запасныя, жерди на всякую потребу, лишнія оси, оглобли... Тутъ же и завернутые въ рогожи тюки съ лопатами, заступами, граблями, цѣпами и косами. Все это въ порядкѣ убрано, привязано крѣпко; нигдѣ не виситъ ничего и даромъ не болтается, на ходу не постукиваетъ, а точно приклеено къ своему мѣсту.

Скарбовая половина воевъ загружена высоко; передняя, чистая,—пониже. Тамъ только перины, подушки, одежда и всякая мягкая рухлядь, да развѣ что-нибудь самое необходимое, что дорогою потребоваться можетъ. Тутъ спать ночью и днемъ укрываются отъ ненастья.

Надъ возами крытые верха устроены,—у кого на деревянныхъ дугахъ наметаны изъ пропитанной дегтемъ холстины, у кого рогожныя навѣсы, а у кого и тесовыя крыши на два ската, а въ стѣнкахъ подъ крышами окошки продѣланы, и даже стекла въ нихъ вставлены... Были и такіе возы, что совсѣмъ на избу похожи были, только поменьше. Одинъ шутникъ такъ даже дымовую трубу приладилъ и скворешницу поставилъ на высокомъ шестѣ,—копечно, для потѣхи больше.

Запасную скотину гнали поблизости. Лошадей совсѣмъ мало было: при всемъ обозѣ только пара пѣгихъ дяди Василя, да сѣрая хромая кобыла татарина Мамета изъ Чебоксаръ, и ту онъ вымѣнялъ

уже дорогою въ Орскѣ на яловую корову. Коровъ была тоже самая малость: штукъ шесть дойныхъ — ребятишкамъ чтобъ молоко было дорогою; для того только и гнали.

Шли всѣ эти возы въ два ряда, потому-что по степи дорога широкая,—что же даромъ растягиваться!

Мужчины и кто помоложе да покрѣпче изъ женщинъ, тѣ все больше пѣшкомъ шли,—дѣло привычное; старики и старухи на возахъ сидѣли съ малыми ребятами; постарше дѣти—тѣ съ собаками взапуски по сторонамъ рыскали... Утомятся очень—на возы полѣзутъ... отдохнуть, выспятся—и опять за бѣготню примутся, потому дорогою, особенно въ хорошую погоду, не только малымъ, да и большимъ весело бываетъ.

Утромъ поднимутся вмѣстѣ съ зарею, управятся съ варевомъ, напоятъ скотину, вытянутся на дорогу и идутъ до жару. Какъ начнетъ уже сильно припекать лѣтнее солнце, такъ сейчасъ приваломъ становятся. Возы стянутъ въ девять рядовъ, выравниются улицами, черезъ каждые четыре воза пошире переулочки оставляютъ для проходу и выпрягать воловъ стануть. Скотину пасутъ на травѣ, по близости... Начинаютъ варить, что у кого припасено... Дымъ такой поднимется надъ обозомъ!.. Издали кто идетъ,—ну совсѣмъ на деревню похоже. Такъ и отдыхаютъ, пока не спадетъ палящій зной и не потянетъ вечернею прохладою.

Тамъ опять въ дорогу, до самаго солнечнаго заката, а къ темнотѣ снова строятъ обозъ рядами и становятся на ночлегъ, чтобы завтра съ зарею опять подняться въ дальнюю дорогу, которой и конца не предвидится.

II.

Зеленая степь.

Отъ лѣваго берега Урала на востокъ, до карагайскихъ лѣсовъ, что близъ Оренбургскаго укрѣпленія и солонцевъ бекпакдалинскихъ, отъ Орска, на югъ, вплоть до самаго Иргиза города,—все это степь, ровная, хорошая, кормами обильная, «богатая степь», какъ называютъ ее кочевые киргизы. Три рѣки орошаютъ ее: Эмба, Оръ и Иргизъ. Озеръ мелкихъ и прѣсноводныхъ затоновъ на ней видимо-невидимо, особенно близъ Ори, этой живой жилки степного края. Земля здѣсь все больше черноземная, мѣстами супесковатая, есть и суглинокъ, только его немного. Мѣстами степь прорѣзываютъ сухіе овраги—суходолы, и каменистыя балки, по бокамъ которыхъ, прорвавшись сквозь верхній слой тучной земли, выглядываютъ красно-сѣрыя гранитныя массы. По днамъ этихъ балокъ тянутся длинныя, прерывчатыя болотины, поросшія осокою и камышемъ... Здѣсь, кромѣ гранита, виднѣются бѣловатыя массы песчаника и одиночки - камни, словно Богъ вѣсть кѣмъ, Богъ вѣсть откуда занесенные...

Еще въ концѣ марта, чуть-только начнутъ стаять неглубокіе снѣга, вся степь быстро покрывается ковромъ роскошной зелени... Вся земля въ то время пропитана влагою на довольно значительную глубину и становится похожа на одну безпредѣльную топь, особенно тамъ, гдѣ каменистая подпочва глубока и нога проваливагося копя не достаетъ этого твердаго слоя. Жаркое весеннее солнце быстро просушиваетъ эту топь, согрѣваетъ ея поверхность и вызываютъ наружу такую роскошную, богатую растительность, какую не бывшій въ

этихъ краяхъ и представить себѣ не можетъ. Наши новороссійскія степи только блѣдное подобіе этой «богатой земли», нетронутой еще плугомъ, а если и тронутой кое-гдѣ, въ послѣднее время, то такъ мало, что и говорить объ этомъ не стоитъ.

Степной ковыль и тимофѣевка волнуется отъ легкаго вѣтра, точно сѣдое, зеленоватое море; пестрятъ яркія звѣздочки полевой гвоздики и ромашки: точно огоньки алѣютъ головки степного мака и сплошнымъ лиловымъ ковромъ раскидываются по скатамъ лощинъ лиловые вѣнчики колокольцевъ и розовые мотыльки дикаго горошка.

Нигдѣ не видно ни одного деревца, за то трехаршинные стебли бурьяна-репейника и темно-зеленой крапивы густыми порослями покрываютъ мѣста прошлогоднихъ аульныхъ стоянокъ, особенно тамъ, гдѣ были ночные загоны для скота, гдѣ скопилось много перепрѣлаго навоза.

Свѣжій, сочный тальникъ-кустарникъ тѣснится по берегу; красноватыя прутья, словно жилки, тянутся сквозь густую листву, изжелта-зеленую, съ пріятнымъ смолистымъ запахомъ... Потянулъ вѣтерокъ—кусты встрепенулись и посеребрились разомъ, точно сѣдиною покрылись, засверкавъ бѣлою исподнею своихъ продолговатыхъ листьевъ; утихло—и снова они стали темные, рѣзко выдѣляясь на золотисто-желтомъ пескѣ прибрежья.

Ярко-бѣлыя и полевая бабочки міриадами носятся надъ степью; звонъ стоитъ въ ушахъ отъ стрекотанія безчисленныхъ кузнечиковъ; жужжитъ пчела и шмель и съ глухимъ шуршаніемъ ползаютъ между корнями большіе жуки—навозники.

А птицы разной сколько въ этой степи! Вотъ гдѣ безконечное приволье истому охотнику; только

эти послѣдніе сюда еще не заглядывали, и мирно плодятся непуганная дичь, не обращая даже вниманія на топотъ киргизскаго коня, пробѣгающаго чуть не у самаго многочисленнаго выводка. Только и грозы на птицу, что орлы, налетающіе изъ поднебесья, да ястреба, кобцы и соколы, то вольные разбойники, промышляющіе на себя, то крѣпостные рабы человѣка, слетающія съ рукавицы киргиза, соколинаго охотника.

Степныя куропатки цѣлыми стаями бродятъ по степи, въ густой травѣ, съ шумомъ взлетаютъ разомъ, проносятся надъ самою землею, сажень на десять, и снова прячутся въ траву, потому тамъ и привольнѣе, и прохладнѣе, и на счетъ корму обильнѣе. Тамъ и сямъ, шелкая крыльями, взлетаютъ неуклюжіе стрепеты; цѣлыми табунами бродятъ тяжелыя драхвы, издали словно овечье стадо, сразу и не узнаешь. Жаворонки, подорожники и разная мелочь, пока еще не очень пригрѣло полуденнымъ солнцемъ, такъ и шныряютъ въ воздухѣ, наполняя его самыми разнообразными звуками... А выше всего, ближе къ небу и къ бѣловатымъ легкимъ облачкамъ, тамъ плавно носятся орлы и другіе хищники, являя собою, такъ сказать, аристократію птичьяго царства, высшій слой пернатаго общества, спускаясь внизъ только съ одною цѣлю: либо отдохнуть, либо урвать да на чужой счетъ поживиться, пользуясь своею силою и нахальствомъ. На то они и птицы вышаго полета.

Звѣрья въ степи немного: — волкъ да заяцъ. Дальше къ Иргизу сайгаки будутъ встрѣчаться, а здѣсь они рѣдко бываютъ. Волки здѣсь мелкіе, трусливые держутся поближе къ ауламъ, крадутъ овецъ киргизскихъ, гдѣ собакъ немного, а гдѣ ихъ достаточно, тамъ держатся подальше отъ этого опаснаго сосѣдства и терпѣливо ждутъ, когда имъ бросятъ ка-

кую-нибудь падалъ или такъ, сама, съ дуру, забѣжить молодая ошалѣлая лошадь.

Гадины тоже въ этой степи водятся: тарантуловъ очень много, особенно на открытыхъ мѣстахъ, пригрѣтыхъ посильнѣе солнечнымъ жаромъ. Тутъ всегда можно найти ихъ маленькія норки, и ужъ близко отъ этой норки вы—оборони Богъ—не садитесь.

Скорпіоны, фаланги, змѣи и другія гадины—тѣ уже дальше къ югу будутъ встрѣчаться, за Иргомъ, когда пойдутъ сплошные пески и солонцы, а здѣсь они рѣдко бываютъ, развѣ съ собою кто завезетъ, въ тюкахъ съ бухарскимъ хлопкомъ или въ рваныхъ войлокахъ верблюжьяго выюка.

Лѣтомъ дожди бываютъ, но рѣдко. Сухія же грозы налетаютъ частенько; хватить и градъ иногда, да только особыхъ бѣдъ отъ этого не бываетъ, потому что сѣяныхъ полей нѣтъ здѣсь, а вольную траву градъ не скоро вышибетъ, да если-бъ и вышибъ, то въ одну недѣлю отъ корней пойдеть она еще пуще, и снова зазеленѣетъ и запестритъ цвѣтами пострадавшая степь, словно она и бѣды никакой не видала.

Вотъ по такой-то хорошей степи и шелъ нашъ обозъ; залюбовывались дорожные люди, глядя во-кругъ, и не одинъ разъ въ головы имъ западала завистливая мысль:

— Эхъ, кабы намъ здѣсь и остановиться!

А другая мысль шла тотчасъ за первую и ходу поддавала, словно взмахъ кнута надъ спинами притомившейся тройки.

— Ужъ коли здѣсь такъ хорошо, что же тамъ, дальше, куда идемъ мы? Тамъ ужъ совсѣмъ во-очію царствіе небесное!

III.

Лѣса одолѣли *).

Въ запрошломъ еще году пришелъ къ нимъ въ деревню «Малые Кандалы» мужикъ ихней же волости, Степанъ Ложка.

Лѣтъ восемь тому назадъ этотъ Ложка съ другими прочими ушелъ на Каму, къ купцу Брусницыну, на плоты; въ стонщики нанялись тогда всею, какъ есть, артелью.

Къ зимѣ всѣ вернулись, только безъ Степана:

*) Переселеніе на Сыръ-Дарью и другія земли средней Азіи, занятыя нашимъ оружіемъ, началось уже давно.

Для выдачи разрѣшеній на переселеніе составлены были законодательнымъ порядкомъ точныя, опредѣленныя правила, и разрѣшенія на эти переселенія выдавались только тогда, когда причины къ переселенію найдены были совершенно основательными.

Въ нашихъ лѣсныхъ губерніяхъ, гдѣ лѣса не составляли собственности крестьянъ, эти послѣдніе терпѣли большой недостатокъ въ удобной для хлѣбопашества землѣ, и понятно, что крестьяне эксплуатировали лѣса незаконнымъ образомъ, пользуясь недостаточнымъ надзоромъ и послабленіемъ лѣсныхъ сторожей. Теперь, вотъ уже скоро три года, какъ вслѣдствіе реформъ въ лѣсномъ вѣдомствѣ, установилось и болѣе правильное лѣсное хозяйство, и бдительный надзоръ, пресѣкшій возможность крестьянамъ незаконно пользоваться лѣсомъ и разомъ уничтожившій эту губительную контрабанду.

Крестьяне принуждены были исключительно заняться землею, а ея было мало, совсѣмъ недостаточно. Положеніе ихъ стало весьма затруднительнымъ и вызвало неизбежно правительственную мѣру, вслѣдствіе которой „недостаточность пахатной земли въ исключительно лѣсныхъ губерніяхъ“ служить достаточнымъ поводомъ къ разрѣшенію переселенія и выдачи пособій переселенцамъ.

Такимъ образомъ эта правительственная мѣра повела къ тому, что здоровыя руки хлѣбопашца, вмѣсто того чтобы нанести вредъ лѣсному дѣлу, всецѣло обратились на трудъ полезный, болѣе имъ свойственный. Прямая выгода этого переселенія должна была отразиться и на новомъ краѣ, гдѣ роскошныя земли, бывшія до сихъ поръ мертвымъ капиталомъ, получили наконецъ, возможность разработки.

сказывали ребята, что на Волгу въ самолетскіе матросы поступилъ.

Семьи настоящей у Степана не было, кромѣ Анисьи солдатки; та повыла немного и утѣшилась... А другіе прочіе думать о немъ перестали, такъ и забыли совсѣмъ.

Восемь лѣтъ прошло... Старые кто перемерли, парни бородами обросли, мальчишки выросли и поженились... Вернулся Степанъ Ложка. Узнали его.

— Откедова, братъ?...

— Я-то?

— Да.

— Съ далекихъ сторонъ, не скоро расскажешь.

— Съ Волги, что-ли?

— Хватай дальше! Изъ такой-то, братцы мои, распрекрасной стороны, что и-и Боже мой! Ну, а что вы-то тутъ, какъ, сидни? какъ васъ самихъ Господь Богъ перевертываетъ?

— Да что мы—мы все то же, какъ допрежъ того... Тѣснота да голь.

— Эхъ, сердечные! Ужъ очень мнѣ васъ, голубчики, жалко.

— Изъ силъ выбились... страсть!

— То-то! Ну, рассказывай вы напередъ, я послѣ... Вываливай все разомъ!

Молчаливъ, шибко молчаливъ мужикъ до поры; до времени. Только и словъ у него что «ничего» да «все отъ Господа», а какъ ты его пожалѣешь, особливо какъ тутъ еще полведра, или больше—ну, онъ сейчасъ и раскись, и пошелъ всю тебѣ душу выкладывать... Всѣ нужды, всѣ напасти припомнить, кого слѣдуетъ словомъ хорошимъ помянуть, толко это ужъ съ оглядкою...

«Вываливай всеразомъ!» сказалъ Степанъ Ложка,— вотъ и началось это настоящее вываливанье.

«Пуще всего лѣса одолѣли, просто дохнуть не